

Юнь Сюньлань был настроен оптимистично.

Поскольку он совершенно не горел желанием встречаться с Му Синьюем, то охотно воспользовался рекомендациями доктора Эдмонда. Под предлогом постельного режима он заперся в своей комнате на два дня. За это время принц никого не принимал, включая Юй Чэня — это была вынужденная мера.

Сюньлань понимал: позови он Юй Чэня, учёба всё равно бы не ладилась, да и лечь вместе в постель всё равно бы не вышло. К тому же Му Синьюй наверняка попытался бы вломиться следом. Чтобы пресечь любые попытки нежелательных визитов, принц решил просто затаиться, устранив саму возможность встречи.

Ни Чунь и другие слуги, годами сопровождавшие Сюньланя, давно привыкли к его периодическим приступам «затворничества». Для них это было делом обыденным. Однако новые гвардейцы — Фу Яньси, Гуй Янь, Лу Ю и братья Сун — не могли сдерживать беспокойства.

Особое волнение охватило их в понедельник. Му Синьюй, чей период гона закончился, пришёл попрощаться перед отбытием на фронт. Сюньлань не открыл дверь даже ему. Он остался в спальне и лишь обменялся с братом парой вежливых фраз через коммуникатор.

За ужином Сун Тинцяо не выдержал и зашептал брату:

— Гэгэ, говорят, это «спокойный отдых», но Ваше Высочество дошёл до того, что не желает видеть ни единой живой души... Это вообще нормально?

— Не знаю, — Сун Тинъянь перевёл взгляд на черноволосого альфу с «волчьим» хвостом и холодными голубыми глазами. — Юй Чэнь, ты ведь был там, когда принц вызывал доктора Эдмонда? С Его Высочеством действительно всё в порядке?

Юй Чэнь даже не поднял глаз, но его рука, ковырявшая палочками мясо, на миг замерла.

— Доктор Эдмонд сказал, что ничего серьёзного.

— Да, не переживайте, с Его Высочеством всё должно быть хорошо, — Лу Ю, обычно немногословная, присоединилась к разговору. — Слуги шепчутся, что принц часто так делает. Когда он не в духе, даже Наследная принцесса не может заставить его открыть дверь.

Сун Тинцяо продолжал допытываться:

— И слуги не знают, почему он так себя ведёт?

Лу Ю покачала головой:

— Нет. Причины неизвестны даже им.

— Странно... Но главное, что он здоров, — пробормотал Гуй Янь и толкнул локтем сидящего рядом Фу Яньси: — Си-гэ, у тебя скоро гон? Почему ты совсем не беспокоишься о Его Высочестве?

Весь вечер Фу Яньси только и делал, что ел. Он не произнёс ни слова о своей верности принцу и обетах его «защиты», что было на него совершенно не похоже.

— До гона ещё далеко, — пояснил Яньси. — И я всегда беспокоюсь о Его Высочестве.

Гуй Янь с сомнением хмыкнул:

— Беспокоишься молча? Это какая-то «невидимая» забота?

— Даже если я молчу, моё сердце преисполнено преданности, — Фу Яньси не позволял никому сомневаться в своей верности. Он вздёрнул подбородок и смерил товарища надменным взглядом. — Я забочусь о принце с пятнадцати лет. А ты?

Тут Гуй Яню крыть было нечем. Он замялся:

— Я... я только с семнадцати...

— Вы так рано решили посвятить жизнь служению Его Высочеству?

Цзи Бай, услышав этот разговор, тут же подскочил к ним с миской в руках, сгорая от любопытства. Однако в спешке он не рассчитал траекторию и случайно задел чашку Юй Чэня. Коричневая жидкость мгновенно разлилась по столу.

— Цзи Бай, — альфа прищурился и отложил палочки. Его низкий, рокочущий голос прозвучал как ледяное предупреждение перед неминуемой расправой. — Ты опрокинул мой кофе.

Цзи Бай, не желая испытывать на себе остроту языка майора, затараторил:

— Прости-прости! Я сейчас принесу тебе новую чашку.

Юй Чэнь просто пересел на другое место:

— Не нужно. В следующий раз будь внимательнее.

Цзи Бай удивился такой покладистости:

— Хорошо, Юй-гэ, обязательно. Спасибо, спасибо!

Гуй Янь же озадаченно склонил голову:

— Юй Чэнь, почему ты ругаешься с таким странным акцентом?

— Что? — Юй Чэнь нахмурился. — Когда это я ругался?

Он считал, что в последнее время ведёт себя исключительно достойно и не позволяет себе лишнего, если не считать того навязчивого извращенца в сети под ником «Новичок в разведении рыб». С чего бы Гуй Яню его порочить?

— Ты только что его обложил, — Гуй Янь указал на Цзи Бая.

Юй Чэнь потерял дар речи от такой логики:

— Я не ругался. Я назвал его по имени.

Фу Яньси тоже включился в обсуждение:

— Но ведь его имя звучит почти как «куриная шея»... или что похуже?

Цзи Бай поднял руку, прерывая спор:

— Не берите в голову. Просто зовите меня «Лао Ба», и всё. Пожалуйста, не называйте меня по имени-фамилии. Лучше вообще фамилию не упоминайте.

Гуй Янь, однако, не унимался:

— Но всё же, Лао Ба, тот иероглиф «Бай» в твоём имени... он читается как «Бай» или «Бо»?

— Он читается как «Лао Ба», — отрезал тот.

Гуй Янь замолчал.

— Тяжело тебе приходится, — Фу Яньси сочувственно похлопал Цзи Бая по плечу. — Но не расстраивайся. Твоё имя звучит либо мужественно, либо... аппетитно. В любом случае, оно хорошее.

— Спасибо, — вздохнул Цзи Бай. — Мне сразу стало «лучше».

— Не за что, — отмахнулся Яньси. — Мы ведь коллеги, верные гвардейцы Его Высочества. Мы должны поддерживать друг друга. А если действительно хочешь отблагодарить — просто зови меня «гэ» почаще.

— Хорошо, Си-гэ, — легко согласился Цзи Бай. — Так расскажешь, почему вы так рано решили присягнуть Его Высочеству?

Фу Яньси не стал отнекиваться. Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох, а когда открыл их, его взгляд сиял искренней теплотой и ностальгией.

— Потому что в пятнадцать лет... я однажды встретил его.

Фу Яньси до сих пор до мельчайших деталей помнил тот день в конце мая, двенадцать лет назад, когда судьба свела их в Главном медицинском исследовательском институте Галактической Империи.

Тем утром он только проснулся, когда раздался звонок от адъютанта его отца, адмирала Фу Инсюаня. Тот сообщил, что адмирал вернулся на Столичную звезду, но из-за тяжёлых ранений вынужден провести месяц в госпитале. Если Яньси хочет увидеть отца, ему нужно приехать в институт.

Хотел ли Фу Яньси видеть отца?

До этого звонка он был уверен, что нет. Хотя с их последней встречи прошло целых два года. Его отец, прославленный герой Империи, великий адмирал Фу, был кумиром миллионов, но никомушным мужем и родителем. И всё же, повесив трубку, Яньси отправился в госпиталь.

Там, в палате, между ними вспыхнула яростная ссора. Поводом стал невинный вопрос сына: как долго адмирал пробудет дома?

— Всего месяц, пока идёт лечение, — ответил Инсюань. — Как только поправлюсь, сразу вернусь на фронт.

— Так быстро? — поразился Яньси. — У тебя же остались неиспользованные отпуска?

— Не время отдыхать. Я нужен на передовой.

Фу Яньси хотел крикнуть: «А как же твоя семья? Разве ты не нужен нам?» Но промолчал. Это было бессмысленно. Если бы Инсюань ценил семью, его мать не подала бы на развод, а сам Яньси не чувствовал бы себя сиротой при живых родителях.

Он не винил отца в его выборе. Долг перед страной превыше всего — этот принцип Фу Яньси понимал. Но они не виделись два года! И за всё это время Фу Инсюань не удосужился спросить, как живёт его сын, не обижают ли его в школе, о чём он мечтает. Адмирал, преодолевая боль, едва мог говорить, но стоило ему открыть рот, как он принялся сыпать нравоучениями:

— Пока меня нет, не забрасывай тренировки. Инструктор докладывает, что твои результаты... кхм-кхм... стали хуже. В академии Анлос высокие требования к физической подготовке альф. Если не сдашь нормативы, мне придётся просить людей, чтобы они помогли тебе...

Как сын адмирала, Яньси с детства воспитывался в строгости. Он всегда считал честью продолжить дело отца, мечтал стать военным и отдать жизнь за Империю. Но в тот момент, глядя на холодного, сурового человека на больничной койке, он вспомнил бледную, исхудавшую мать, годами ждавшую мужа у окна. Вспомнил дедушку и бабушку, которые ушли из жизни, так и не дождавшись сына. Вспомнил свой пустой, мёртвый дом — если это место ещё можно было назвать домом.

Бессильная ярость и обида захлестнули его. Фу Яньси, никогда не перечивший отцу, впервые в жизни взбунтовался:

— Папа, не нужно никого просить. Если я не сдам нормативы, я просто не пойду в Анлос.

— Ты мой сын! — прохрипел Инсюань. — Если не в Анлос, то куда?

— Если я твой сын, я обязан идти по твоим стопам? Обязан гнить в окопах? — выкрикнул Яньси. — У меня нет права выбрать другой путь?

— Так вот почему твои результаты упали? Ты не хочешь служить? И чем же ты собрался заниматься?

Голос адмирала поначалу был спокоен, но под конец он сорвался на крик:

— Ты получил лучшее образование и ресурсы, которые недоступны большинству! Ты обязан приносить пользу, жертвовать собой, уничтожать врагов ради своей родины! Я не требую от тебя великих подвигов, но я не потерплю трусости! Если бы ты сказал раньше, что не хочешь в армию, я бы не стал тратить время, приставляя к тебе инструкторов, и позволил бы тебе заниматься тем, чем ты действительно хочешь!

— Долг, долг, одни требования! — Фу Яньси сорвался на крик, его голос дрожал. — Мама

надеялась, что ты хоть изредка будешь возвращаться к ней. Ты это сделал? Боль, которую она испытала, смывая твою метку, была не меньше твоих ран здесь! Дедушка с бабушкой гордились тобой и никогда не просили вернуться, но перед смертью они приняли меня за тебя. Они сжимали мою руку и шептали: «Хорошо, что ты вернулся». А ты был дома? Ты знаешь, как они хотели увидеть тебя в последний раз?

— Мы что, по-твоему, бездушные роботы?!

— Ты сам не справился... Так какое право ты имеешь требовать чего-то от меня?!

— Если бы я мог, я бы вообще не родился в семье Фу! Если тебе нужен был великий адмирал и сын-герой, не надо было жениться на маме и заводить меня — обычного человека, которому тоже бывает страшно и больно!

Выплеснув всё, что накипело, Фу Яньси не стал дожидаться ответа. Он выскочил из палаты, не разбирая дороги. Пробежав по коридорам госпиталя, он оказался в дальнем, безлюдном углу сада и без сил опустился на скамью, размазывая слёзы по лицу.

— Гэгэ, ты плачешь?

Фу Яньси вздрогнул. Он был уверен, что здесь никого нет. Обернувшись, он увидел ребёнка, выглядывающего из-за куста энотеры.

Мальчик с серебристыми волосами и кожей белой, как снег, казался почти призрачным в лучах солнца. Его лицо скрывали большие тёмные очки — единственное яркое пятно в его облике. Ребёнок не стал настаивать на ответе. Он неуклюже поправил очки, словно слепой, и негромко попросил:

— Гэгэ, ты не мог бы посмотреть — расцвела ли энотера? У меня только что была операция на глазах.

«Он ничего не видит? — подумал Яньси. — Вот почему такие тёмные очки». Такая просьба была сущей мелочью. Решив, что мальчик всё равно ничего не заметит, Фу Яньси даже не стал вытирать слёзы и глухо ответил:

— Есть бутоны, но они ещё не раскрылись. Придётся подождать до вечера.

Энотера начинает цвести в сумерках, поэтому её называют «цветком, что ждёт зари».

— Спасибо, — негромко поблагодарил сереброволосый мальчик. — Операция была очень болезненной, я долго плакал. Каждый день я думал: как только смогу видеть, обязательно приду посмотреть на эти цветы. Гэгэ, ты тоже плачешь, потому что тебе больно после операции?

— Нет... я не пациент.

Отвечая, Фу Яньси невольно посмотрел на свои ладони. Грубые, сухие, с толстыми мозолями от многолетних тренировок — они были его бронёй, но сейчас почему-то нестерпимо болели. Он прошептал:

— Я просто... поспорил с отцом.

— Тогда посиди здесь со мной, подожди, пока цветы раскроются, — мягко предложил ребёнок.
— Они очень красивые. Уверен, когда ты их увидишь, тебе станет легче.

Порой в моменты слабости чьё-то доброе слово способно исцелить душу. Особенно если это слово сказано незнакомым ребёнком, в то время как собственный отец не нашёл для тебя ни капли тепла.

Раньше Яньси мечтал стать генералом, героем Империи, как Фу Инсюань. Но сейчас он до ужаса боялся стать вторым Фу Инсюанем. Он не понимал: неужели отец всегда был таким? Был ли он когда-то тем сыном, которым гордились бабушка с бабушкой? Тем мужем, которым восхищалась мама? Или годы войны и жестокие сражения превратили его в этот кусок льда? Если так, то кем станет он сам, если отправится на фронт? А если не отправится?

Ответов не было. Его результаты в академии падали, а вера в будущее таяла с каждым днём.

— Раньше я мечтал быть военным, сражаться за Империю. Но теперь... я чувствую, что не справлюсь.

Фу Яньси поднял голову и посмотрел на кусты энотеры, замершие в ожидании заката.

— Сегодня я посмотрю на цветы и мне станет легче. А что будет завтра?

Энотера всегда распускается навстречу луне. А он совершенно не видел, где его «завтра», где его путь.

— Я тоже не знаю, что будет со мной завтра, — ответил мальчик. — Но я знаю, почему энотера стала государственным цветком Империи. Гэгэ, а ты знаешь?

— Конечно, — ответил Яньси. — Она символизирует непокорное и свободное сердце.

Этот цветок растёт на каменистых склонах, вдоль дорог. Он невероятно вынослив, не боится холода, засухи и скудной почвы. Он выживает там, где другие гибнут.

Мальчик тихо рассмеялся:

— Да. Пока жизнь способна пустить корни, прорасти и зацвести — она велика. И неважно, где именно раскрылся бутон.

— И с людьми так же.

— Величие Империи не ограничивается только пограничными полями сражений. Даже на самом краю Галактики, в ледяной пустоте, светят звёзды.

Мальчик повернул голову в сторону Фу Яньси и твёрдо произнёс:

— Гэгэ, я верю, что и ты такой же. Где бы ты ни оказался в итоге, ты будешь сиять.

Яньси не успел удивиться тому, что такой маленький ребёнок говорит такие глубокие вещи. Его уши вспыхнули от этой искренней похвалы. Он неуверенно пробормотал:

— Я... правда смогу?

Он снова посмотрел на свои мозолистые руки. Но в этот раз Фу Яньси увидел в них свидетельство своей долгой борьбы за мечту. Он сделал глубоческий вдох и сжал кулаки.

— Я не знаю, получится ли... но я буду стараться.

Мальчик уверенно ответил:

— Мозоли от стрельбы на твоих руках даже грубее, чем у моего второго брата, а он твой ровесник. С такой волей ты обязательно добьёшься своего.

— Спасибо.

Яньси густо покраснел. Он по привычке поблагодарил, но тут же осёкся, заметив неладное.

— Стой... ты же сказал, что... не видишь?

— Я такого не говорил, — тут же открестился ребёнок. — Я сказал, что мне нельзя смотреть на яркий свет после операции, поэтому я в очках.

Фу Яньси замер.

— Кажется, старшая медсестра зовёт меня по имени. Мне пора. Прощай, гэгэ!

— До... до свидания.

Яньси хотел спросить имя мальчика, но белая фигурка уже скрылась за поворотом тропинки — быстро и ловко. Ему ничего не оставалось, кроме как сесть обратно на скамью и ждать.

Наконец, когда первые лучи заката коснулись облаков, энотера раскрыла свои золотистые лепестки. В наступающих сумерках они сияли, словно упавшие на землю звёзды.

Фу Яньси просидел там несколько часов, пока адъютант отца не нашёл его. На следующий день он снова пришёл в госпиталь, но не к отцу, а в тот сад, надеясь встретить серебряного мальчика. Однако удача от него отвернулась. Тогда он решился расспросить медсестёр.

— Ребёнок с серебряными волосами?

— Так это же Третий принц.

Фу Яньси потрясённо распахнул глаза:

— Третий принц?!

Его охватило разочарование.

— А... я смогу увидеть его снова?

Медсестра лишь вздохнула:

— Его Высочество редко выходит из палаты. Даже Император и Наследная принцесса не всегда могут его видеть. К тому же...

«Третий принц — не тот, с кем можно встретиться по желанию». Медсестра не стала говорить это вслух, но Яньси и сам всё понимал.

В последний раз он взглянул на кусты энотеры. Окружённый волнами их нежного аромата, Фу Яньси поднял голову к сияющим звёздам и негромко, но твёрдо произнёс:

— У меня обязательно получится.

Поступление в академию Анлос, служба, защита страны — это была его мечта. На этом пути

его могли ждать сомнения и страх, но он больше не собирался сдаваться. Даже если никто не поддержит его, он будет идти вперёд.

— Его Высочество стал для меня полярной звездой. Он вывел меня из тьмы сомнений к свету и чести, — закончил Фу Яньси. — Я бесконечно благодарен ему и всегда хотел отплатить за ту доброту. Поэтому, когда я услышал о наборе в личную гвардию принца, я подал заявку не раздумывая.

— Так вы с Его Высочеством виделись ещё в детстве, — Цзи Бай посмотрел на Фу Яньси с нескрываемой завистью. — И он даже называл тебя «гэ».

Сун Тинцяо честно признался:

— Я так завидую, что кусок в горло не лезет.

Он обвёл взглядом остальных гвардейцев в столовой:

— Неужели вам не обидно? Как вы вообще можете спокойно есть?

Фу Яньси примирительно улыбнулся:

— Не стоит завидовать. Мы все теперь видим принца каждый день.

Лу Ю, как всегда, зря в корень, добавила:

— Сун Тинцяо завидует именно тому, что Его Высочество называл тебя «братом».

— Что ж, тут я его понимаю, — вздохнул Фу Яньси. — Сюньлань сам так меня называл, я не мог на это повлиять.

Гвардейцы притихли. Всем до зуда в кулаках захотелось попросить Юй Чэня снова поколотить Фу Яньси.

Вспомнив о нём, Цзи Бай мельком взглянул на Юй Чэня. Майор совершенно не обращал внимания на рассказ товарища и меланхолично доедал свой ужин.

«Не зря он единственный из всех сдал "Военную психологию" на высший балл, — подумал Цзи Бай. — Выдержка у него просто стальная».

Он снова повернулся к Гуй Яню:

— А ты, Гуй Янь-гэ? Может, и ты, как Фу Яньси, встретил принца в семнадцать лет?

— У меня всё было иначе... — начал Гуй Янь.

Договорить он не успел. В столовую вошёл Ни Чунь и сообщил Юй Чэню, что Юнь Сюньлань хочет видеть его наедине сразу после ужина.

Стоило слуге уйти, как на Юй Чэня обрушился шквал завистливых взглядов, в которых Фу Яньси явно лидировал. Майор лениво поднял веки и скрестил руки на груди, обращаясь к Яньси:

— Что такое? Завидуешь?

Фу Яньси молчал, но его кулаки непроизвольно сжались.

— Да ладно тебе, не стесняйся, тут и правда есть чему завидовать, — Юй Чэнь картинно вздохнул. — Третий принц настоял на встрече со мной наедине, тут уж я ничего не могу поделать.

Кулаки Фу Яньси сжались так крепко, что послышался хруст костяшек.

Гуй Янь быстро прижал его правое плечо к столу:

— Си-гэ, вспомни: любовь и согласие!

Цзи Бай схватил за левое:

— Поддержка и взаимовыручка, Си-гэ!

Фу Яньси процедил сквозь зубы:

— Никакого согласия! Я сейчас лопну от ревности!

Он видел принца наедине лишь раз, ещё ребёнком. А этот выскочка Юй Чэнь заходит к нему в спальню уже в который раз?